

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Разъ въ Алуцкѣ князь С. М. Воронцовъ спросилъ меня, замѣчаю ли я какую-либо торопливость прислуги у него въ домѣ и работъ въ саду.—Нисколько, отвѣчалъ я.—Ихъ у меня до 60-ти чело-вѣкъ, и всякій точно знаетъ чтò ему дѣлать. Въ этомъ я подражаю покойному моему батюшкѣ. Однажды, на походѣ въ горахъ онъ уво-лилъ отъ службы ординарца, который нѣсколько лѣтъ сряду при немъ находился. Недоумѣвали, за что-про что, и когда спросили о томъ князя, онъ отвѣчалъ: „И посылалъ его съ приказаніемъ, и онъ опро-метью поскакалъ исполнять его, чтò смутило окружающихъ меня; ближайшіе подумали, не имѣло ли мое распоряженіе какого либо осо-баго значенія. Ординарецъ оскорбилъ меня; ибо какой же я главно-командующій, коль скоро не умѣю распорядиться временемъ“.

Покойный Государь Александръ Александровичъ, когда я ему представлялся по возвращеніи его съ Кавказа, изволилъ сказать мнѣ про князя М. С. Воронцова. „Тамъ, куда ни обернись, вездѣ память этого необыкновеннаго человѣка“. Въ Одессѣ и въ Тифлисѣ воздвигнуты ему памятники, оба на добровольныя приношенія, безъ правитель-ственной и семейной поддержки. Тифлискаго памятника я не видалъ, но въ Одессѣ вокругъ него такъ высоко поднялись акаціи, что засло-нили его отъ проходящихъ и проѣзжающихъ. По моему указанію город-ской голова Григорій Григорьевичъ Маразли озаботился этимъ; но теперь, говорятъ, акаціи снова переросли памятники.

На Кавказѣ М. С. Воронцовъ пріѣхалъ съ титуломъ графскимъ, который былъ данъ Елисаветою Петровною еще его дѣду-дядѣ Ми-хаилу Ларіоновичу, дѣду Роману и дѣду-дядѣ Ивану Ларіоновичамъ. Николай Павловичъ пожаловалъ М. С. Воронцова княземъ, но въ граф-ствѣ было ему больше почета, такъ какъ на Кавказѣ князей много;

тогда прибавленъ ему титулъ свѣтлѣйшаго, въ отличіе отъ другихъ Кавказскихъ князей.

*

Передъ тѣмъ какъ жениться на графинѣ Елисаветѣ Ксаверьевнѣ Браницкой (православной по матери своей), графъ Михаилъ Семеновичъ писалъ другу своего отца графу Растопчину, что если ему придется занять какую-либо значительную государственную должность, то ни одинъ Полякъ не получитъ при немъ служебнаго значенія. Въ Одессѣ оно такъ и было, но въ Тифлисѣ большое вліяніе на устарѣвшаго намѣстника возымѣлъ докторъ, учившійся въ іезуитской школѣ, который лечилъ ему глаза. Зрѣніе князя до того ослабѣло, что, съ позволенія Государя, подписывала бумаги его княгиня. Уже при немъ Поляки вили себѣ гнѣздо на Кавказѣ.

Передъ возвращеніемъ изъ Франціи въ Россію нашихъ войскъ, которыя оставались тамъ до 1817 года, ихъ командиръ графъ Воронцовъ уплатилъ изъ собственныхъ средствъ ихъ долги и для того продалъ данное ему его теткою, княгинею Дашковой, большое Могилевское имѣніе, а самъ очутился въ долгахъ (отецъ его еще былъ живъ). Богатое приданое жены развязало ему руки. Онъ женился на ней (старше его возрастомъ) въ Апрѣлѣ 1819 года. Посаженымъ отцомъ былъ Веллингтонъ; изъ Лондона пріѣхалъ престарѣлый графъ Семенъ Романовичъ. Объ этомъ бракосочетаніи печаталось во Французскихъ и Англійскихъ газетахъ. И тутъ же, этою же весною, въ Парижѣ у генералъ-адъютанта В. С. Трубецкого рождается дѣвочка (по матери внучка Еврейки, канатной танцовщицы), которой предназначалось судьбою разорить Воронцовское богатство.

*

Шутка про министерство графа Д. А. Толстого:

Уразумивъ сумбуръ Россійскихъ дѣлъ,
Толстой все справить захотѣлъ
И взялъ въ помощники правленья своего
Заику, Плеве, Дурново.
Но и при нихъ Россія не толстѣетъ,
А заикается, плюется и дурнѣетъ.

